

Научная статья
УДК 364.144(571.54)
<https://doi.org/10.24158/spp.2021.10.2>

Социальное неравенство в Бурятии в оценках населения

Елена Викторовна Петрова¹, Аюна Владимировна Бильтрикова²

^{1,2}Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук (ИМБТ СО РАН), Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия

¹elenapet_05@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4612-3471>

²biltr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2017-7455>

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые параметры социального неравенства в Бурятии в оценках этносоциальных и доходных групп. За основу взяты результаты социологического исследования, проведенного в 2020–2021 гг., и статистические показатели развития региона. Определены основные критерии, виды и причины социального неравенства. По мнению большинства опрошенных, вне зависимости от уровня их материального положения, доминирующим неравенством в обществе является доходное. В качестве основных критериев были названы финансовый, связанный со свободой траты денег; имущественный, означающий владение недвижимостью, в том числе за рубежом, а также доступ к качественному медицинскому обслуживанию и возможность путешествовать. Респонденты выделили основные причины неравенства, базирующиеся на уровне социально-экономического развития страны и региона и во многом определяемые государством, среди них: низкая оплата труда, безработица, маленький размер пенсий, слабое развитие экономики. Сделан вывод о необходимости социально-экономического развития региона для преодоления пространственного и социального неравенства.

Ключевые слова: Республика Бурятия, социальное неравенство, доходные группы, ограниченный доступ к ресурсам, этносоциальные группы

Для цитирования: Петрова Е.В., Бильтрикова А.В. Социальное неравенство в Бурятии в оценках населения // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 10. С. 20–24. <https://doi.org/10.24158/spp.2021.10.2>.

Финансирование: статья подготовлена в рамках государственного задания «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)», № 121031000243-5.

Original article

Social inequalities in Buryatia by the population' assessments

Elena V. Petrova¹, Ayuna V. Biltrikova²

^{1,2}Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences (IMBT SB RAS), Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia

¹elenapet_05@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4612-3471>

²biltr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2017-7455>

Abstract. Certain parameters of social inequality in Buryatia as assessed by ethno-social and income groups are examined in the present paper. It is based on the results of a sociological survey conducted in 2020–2021 and statistical indexes of the regional development. The main criteria, types and causes of social inequality are determined. According to the majority of those surveyed, regardless of their level of wealth, the dominant inequality in society is that of income. The main criteria were named financial, associated with the freedom to spend money; property, meaning the ownership of real estate, including overseas, as well as access to quality medical care and the ability to travel. Respondents identified the main causes of inequality based on the level of socio-economic development of the country and the region and largely determined by the state, among them: low wages, unemployment, small pensions, poor economic development. The conclusion is made about the need for socio-economic development of the region to overcome spatial and social inequalities.

Keywords: Republic of Buryatia, social inequality, income groups, limited access to resources, ethno-social groups

For citation: Petrova E.V., Biltrikova A.V. Social inequalities in Buryatia by the population' assessments // Society: Sociology, Psychology, Pedagogics. 2021. No. 10. P. 20–24. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/spp.2021.10.2>.

Funding: the research was carried out within the state assignment (project «Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic and Intercultural Interaction (17th–21st Centuries)», № 121031000243-5).

Социальная структура российского общества за последние два десятилетия претерпела количественные и качественные изменения, но процессы дифференциации населения по экономическим и социальным параметрам все еще продолжаются, остаются работающие «бедные», показатели уровня и качества жизни населения во многих регионах РФ, особенно отдаленных, отстают от тех, что фиксируются в центре. Поэтому правительство страны принимает серьезные меры, направленные на социально-экономическое развитие отдаленных субъектов, уменьшение социального, пространственного и инфраструктурного неравенства регионов внутри страны.

В истории человечества социальное неравенство было всегда, вне зависимости от типа развития общества и его политического или экономического устройства. В связи с этим очень важно исследовать масштабы неравенства в конкретном сообществе, реальные возможности представителей разных социальных групп на пути восходящей вертикальной мобильности, а также уровень доступности ресурсов для них.

По мнению О.И. Шкаратана, «сохраняется острая потребность в целостном, систематическом и основанном на новейшем социально-теоретическом знании, анализе проблем социального неравенства в современном мире, в котором реалии конкретных обществ рассматривались бы во взаимосвязи с глобальными политическими, экономическими и социокультурными трансформациями всего человечества» [1, с. 9].

Исследование механизмов трансформации социальной структуры современного российского общества дает возможность установить факторы и тенденции стратификационных процессов, а также виды и проявления социальных неравенств. На наш взгляд, наиболее интересные результаты можно получить в удаленных от центра полиэтнических регионах, так как социальное неравенство в них часто рассматривается через призму этнического многообразия населения.

Республика Бурятия – многонациональный регион, на территории которого проживают русские (66 %), буряты (30 %) и представители других этносов (4 %), общий фон межэтнических отношений длительное время здесь остается стабильным.

Социологи отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБТ СО РАН) в 2020–2021 гг. провели инициативное социологическое исследование по проблемам социального неравенства и социальной стратификации в республике. Методом анкетирования (самозаполнение) было опрошено 646 человек (356 человек – в г. Улан-Удэ и 290 человек – в Еравнинском, Прибайкальском, Иволгинском, Тарбагатайском, Кяхтинском и Хоринском сельских районах республики). Выборка многоступенчатая, на последней ступени отбора – квотная (52,63 % женщин и 47,37 % мужчин; 37,31 % респондентов со средним общим образованием, 35,6 % – со средним профессиональным и 27,09 % – с высшим; 66 % русских, 30 % бурят и 4 % представителей других национальностей; респондентов в возрасте 18–29 лет – 31,89 %, 30–39 лет – 18,89 %, 40–49 лет – 16,72 %, 50–59 лет – 17,34 %, 60 и старше – 15,16 %). При определении генеральной совокупности и разработке выборки исследователи опирались на итоги всероссийской переписи 2010 г. Генеральная совокупность (N) составила 310 722 человек (население в возрасте 18 лет и старше).

Социологический анализ социального неравенства в РФ осуществляется регулярно различными специальными учреждениями и службами. Определены методологические и методические подходы, апробирован инструментарий, на который мы опирались в своем исследовании [2].

Неравенство в России стало формироваться в 1990-х годах в условиях реформирования экономики страны и приватизации собственности, и с тех пор не произошло заметных изменений, но в период экономического роста в последние 20 лет наблюдалось незначительное увеличение неравенства по доходам [3].

По итогам коронавирусного 2020 года благодаря антикризисным выплатам неравенство доходов немного сократилось за счет увеличения доходов самых бедных слоев общества, для которых социальные выплаты оказались существенной суммой на фоне привычных низких заработков. В то же время в целом население страны стало беднее – средние доходы граждан в реальном выражении снизились. При этом 42 % наиболее обеспеченных россиян проживают в Москве, 8,8 % – в Подмосковье, 7 % – в Санкт-Петербурге. Такая сверхконцентрация благосостояния в столице при низком уровне жизни в других регионах говорит о диспропорции, которая тормозит экономическое развитие страны и рост доходов ее граждан [4].

Эти данные подтверждаются коэффициентом Джинни*, который в среднем по стране в 2019 г. составил 0,411, в Москве – 0,415, в Санкт-Петербурге – 0,405, в Ненецком АО – 0,435, в

* Коэффициент Джинни – статистический показатель степени расслоения общества данной страны или региона по какому-либо изучаемому признаку. Используется для оценки экономического неравенства, изменяется от 0 до 1. Чем больше его значение отклоняется от нуля и приближается к единице, тем в большей степени доходы сконцентрированы в руках отдельных групп населения.

Бурятии – 0,370. Структура использования денежных доходов населения Бурятии показывает, что основная часть доходов граждан (2018 г. – 85,9 %, 2019 г. – 87 %) уходит на покупку товаров и услуг, и это самый высокий показатель в Дальневосточном федеральном округе (ДФФО) из 11 субъектов. К примеру, в Чукотском АО только 38,2 % используется на покупку товаров и услуг. По итогам 2019 г. у жителей Бурятии произошло уменьшение денег в финансовых активах (-0,1), в то время как у населения Камчатского края, наоборот, наблюдается их прирост (+12,7). В Бурятии численность населения с доходами ниже прожиточного минимума увеличилась в 2019 г. по сравнению с 2016–2018 гг. с 19,3 %–19,1% до 20,1 % от общей численности населения. Также стал больше удельный вес группы с наименьшими доходами в 2019 г. (6,3) по сравнению с 2018 г. (6,1) [5].

Рассмотрим некоторые результаты проведенного исследования: как население республики воспринимает социальное неравенство, в чем его причины и каковы критерии. Из многих видов социальных неравенств, существующих в России, респонденты в качестве главного выбрали «неравенство доходов» (72,87 %); больше трети опрошенных отметили «неравный доступ к медицинской помощи» (38,6 %), «неравный доступ к власти» (36,9%), «неравный доступ к образованию» (32,09 %); для четверти респондентов наиболее распространенным в стране является «неравенство жилищных условий» (25,27 %), а также «неравенство в обладании собственностью» (24,19 %).

Так же, как и в целом по выборке, этносоциальные группы самым распространенным видом неравенства считают неравенство доходов (русские – 73,4 %, буряты – 71,9 %, другие этносы – 71,4 %). Вторым значимым видом неравенства и русские, и буряты называют неравенство в получении медицинской помощи (40 % и 37 % соответственно) и неравенство в доступе к власти (34,9 % и 40 % соответственно). Иначе данный рейтинг выглядит у представителей других национальностей: на второе место после неравенства по доходам они ставят доступ к власти (52,4 %) и обладание собственностью (28,5 %).

Для того чтобы выяснить, как представители разных доходных групп относятся к социальному неравенству, какие выделяют критерии и причины, респондентам было предложено оценить свое материальное положение. В соответствии с их ответами условно было выделено шесть доходных групп среди участников исследования [6]: 1 (бедные, нуждающиеся) – «едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на питание» (3,9 %); 2 (околобедные, уязвимые) – «денег хватает только на питание, даже покупка одежды вызывает затруднения» (21,3 %); 3 (среднедоходные) – «доходов хватает на питание и одежду, на покупку вещей длительного пользования приходится копить или брать кредит» (51,2 %); 4 (обеспеченные) – «можем без труда покупать вещи длительного пользования, но затруднительна покупка дорогих вещей» (18 %); 5 (зажиточные, состоятельные) – «можем купить автомобиль, но затруднительна покупка недвижимости» (4,5 %); 6 (богатые) – «ни в чем себе не отказываем» (1,1 %).

Классики социологической мысли выделяли четыре основных критерия социального неравенства – доход, образование, власть, престиж. В исследовании нам было важно определить, какие критерии неравенства, по мнению респондентов, сейчас являются наиболее актуальными.

Группа с наименьшими доходами (№ 1 – «бедные, нуждающиеся») в качестве основного признака социального неравенства выбрала вариант «возможность свободно тратить деньги, не считая каждую копейку» (64 %). В то время как из представителей самой высокодоходной по самооценкам группы (№ 6 – «богатые») никто не сделал такой выбор. То есть чем лучше материальное положение представителей группы, тем меньше ими делается акцент на доходном неравенстве, что является вполне ожидаемым фактом. Тем не менее число выборов данного варианта в группах достаточно высокое (кроме № 6 – «богатые»), и даже наименьший процент составил 34,5 % (№ 5 – «зажиточные, состоятельные»).

Обращает на себя внимание тот факт, что самым популярным общим критерием стал такой, как «хорошее медицинское обслуживание, в том числе курорты, санатории», что вполне объяснимо в условиях пандемии, которая стирает границы между бедными и богатыми, делая их одинаково бессильными перед вирусной опасностью и одновременно усиливая социальное неравенство. Ведь вполне очевидно, что именно высшие слои имеют больше шансов и возможностей сохранить здоровье, получить более квалифицированную помощь или реабилитацию после болезни. При детальном рассмотрении наиболее значимым этот признак оказался для группы 4 («обеспеченные») – 51,7 %, и это самое большое количество выборов внутри нее. Остальные группы поставили этот критерий на второе место.

В самой высокодоходной группе 6 («богатые») большое значение (по 57,1 %) респонденты придают сразу трем критериям – «недвижимость, в том числе за рубежом», «хорошее образование», «хорошее медицинское обслуживание, в том числе курорты, санатории». Сравнивая две популярные группы – 1 («бедные, нуждающиеся») и 6 («богатые»), можно сделать ожидаемый вывод о

том, что оценки критериев неравенства у этих групп отличаются. В группе 1 основной акцент делается на материальном благосостоянии, в то время как в группе 6 – на комфорте. Именно здесь ощущается разница в уровне жизни: в одной группе закрыты базовые потребности, в которых так нуждаются представители другой, и именно здесь кроется конфликтогенный потенциал.

Тем не менее почти все группы, включая 6 («богатые»), едины в том, что в стране и в республике преобладает неравенство доходов. Также большое число выборов в разных группах получило неравенство доступа к образованию и к медицинской помощи. Значительно меньшее внимание уделено респондентами неравному доступу к власти, дифференцированным возможностям обладания собственностью и разнице в жилищных условиях.

Что касается основных критериев социального неравенства в зависимости от национальности, то наиболее высокие выборы получили такие критерии, как «хорошее медицинское обслуживание, в том числе курорты, санатории» (50,7 % – у русских, 44,2 % – у бурят, 33,3 % – у других национальностей), «недвижимость (в том числе за рубежом)» (41,9 % – у русских, 48,4 % – у бурят), «возможность свободно тратить деньги, не считая каждую копейку» (45,3 % – у русских, 47,4 % – у бурят). Рейтинг критериев у других национальностей выглядит иначе. Основными критериями названы «загородный дом» и «хорошее образование» (по 47,6 %), «хорошее медицинское обслуживание, в том числе курорты, санатории» и «возможность путешествовать или отдыхать за границей» (по 33,3 %).

Существующие неравенства, безусловно, имеют свои причины, причем они носят как объективный характер, так и субъективный. В качестве основных причин социального неравенства в целом по выборке опрошенные назвали «коррупцию, взяточничество чиновников» (58,6 %), «низкую оплату труда» (57,36 %), «безработицу» (52,4 %), «маленький размер пенсий» (47,6 %), «низкий уровень дохода» (44,5 %), «слабое развитие экономики» (42,17 %), «алкоголизм, наркоманию» (37,52 %).

Респонденты разных по доходам групп отмечали множество причин, но ведущей была названа «низкая оплата труда» – почти во всех группах более половины респондентов, кроме группы 6 («богатые»), поставили ее на первое место, на втором месте – «маленький размер пенсий».

Анализируя ответы двух полярных групп, можно увидеть небольшие расхождения в выборе вариантов. В 6 группе («богатые») так же, как и в первой («бедные, нуждающиеся»), респонденты преимущественно отмечали «маленький размер пенсий», «низкий уровень дохода», «коррупцию, взяточничество, воровство чиновников» (по 48,2 %), но больше всего выборов пришлось на вариант «алкоголизм и наркомания» (57,1 %). Группа 1 («бедные, нуждающиеся») помимо перечисленного добавляет «безработицу» (52 %). Интересно, что обе группы обратили мало внимания на такую причину, как «слабое развитие экономики», в то время как около половины респондентов срединных по доходам групп отмечают именно ее. Неохотно респонденты выбирали субъективные причины неравенства, такие как «низкий уровень культуры и нравственности» (29,1 %), «непрактичность людей, неумение экономить» (7,43 %), «лень, нежелание работать, инертность» (26,32 %).

Анализ ответов респондентов в зависимости от национальности показал, что в целом представители разных этнических групп во многом едины в оценке причин социального неравенства. Однако есть расхождения в том, какое место по значимости, по их мнению, занимает та или иная причина в общем списке. По мнению русских, «низкая оплата труда» лидирует в данном рейтинге (58,8 %), на втором месте – «безработица» (56 %) и третьей по значимости причиной является «коррупция, взяточничество, воровство чиновников» (55,8 %). Несколько по-иному представлен рейтинг у бурят. Основной причиной неравенства является, по их мнению, «коррупция, взяточничество, воровство чиновников» (65,6 %), следующей по важности – «низкая оплата труда» (55,2 %) и, наконец, третьей – «маленький размер пенсий» (47,4 %). У представителей других национальностей, проживающих на территории Бурятии, рейтинг основных причин неравенства выстроился следующим образом: «маленький размер пенсий» (66,6 %), «безработица» (61,9 %), «коррупция, взяточничество, воровство чиновников» (52,4 %). Как видим, во всех этносоциальных группах наибольшее число выборов получил вариант «коррупция, взяточничество, воровство чиновников», что соответствует средним данным по выборке (58,6 %).

Приведенные сведения свидетельствуют о том, что национальность респондента не оказала серьезного влияния на оценку им причин, видов и критериев социальных неравенств. Незначительные расхождения мнений с представителями других национальностей подчеркивают единство взглядов русских и бурят.

Таким образом, мы установили, что, по мнению большинства респондентов, в нашей стране доминируют социально-экономические неравенства. Причем соглашаются с этим все группы опрошенных, независимо от уровня доходов и этнической принадлежности. Хотя на са-

мом деле неравенства затрагивают все стороны жизни общества, проявляются во многих сферах, могут носить различный характер, связанный с борьбой за ограниченные ресурсы и влиять на социальные настроения населения.

Несмотря на то, что социальные неравенства выступают проблемной зоной современных общественных систем, их исследование и анализ в конкретном обществе, а в дальнейшем принятие решений на уровне государства для их нивелирования, создания более равных шансов для всех членов общества, повышения доступности ограниченных ресурсов материального и духовного потребления для разных социальных групп будут способствовать консолидации общества и обеспечению его стабильности, уменьшению конфликтного потенциала, улучшению социальных настроений населения.

Для преодоления социального неравенства в России исследователями предлагаются различные меры, направленные, прежде всего, на установление более справедливого порядка распределения доходов как в целом по стране, так и по ее регионам. Наиболее действенными, на наш взгляд, являются мероприятия по сокращению бедности и поддержке социально незащищенных слоев населения, реализации дифференцированного подхода к налогообложению физических лиц с прогрессивной шкалой, обеспечению достойной пенсии, а также повышению уровня и качества жизни населения в отдаленных субъектах страны за счет их сбалансированного пространственного и социально-экономического развития.

Список источников:

1. Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М., 2012. 526 с.
2. Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Н.Е. Тихонова [и др.]. М.; СПб., 2018. 368 с.; Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России / отв. ред. Н.Г. Осипова. М., 2021. 276 с.; Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / отв. ред. Л.М. Дробижина. М., 2002. 480 с.; Тихонова Н.Е. Модель субъективной стратификации российского общества и ее динамика // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2018. № 1-2 (126). С. 17–29. <https://doi.org/10.24411/2070-5107-2018-00001>; Её же. Социальная структура России: теории и реальность. М., 2014. 408 с.
3. Виноградова Е. В богатстве, но в бедности: названы регионы с наибольшим неравенством доходов. Почему субъекты с высоким уровнем попали в топ антирейтингов [Электронный ресурс] // Известия. URL: <https://clck.ru/УК6АР> (дата обращения: 15.09.2021).
4. Эксперты назвали регионы России с наибольшим неравенством доходов [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2021/06/11/reg-urfo/eksperty-nazvali-regiony-rossii-s-naibolshim-neravenstvom-dohodov.html> (дата обращения: 15.09.2021).
5. Регионы России. Социально-экономические показатели 2020. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm (дата обращения: 15.09.2021).
6. Бедность отступает, но средний класс по-прежнему в дефиците. [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bednost-otstupaet-no-srednij-klass-po-prezhnemu-v-deficite> (дата обращения: 10.09.2021); Материальное положение россиян в 2005–2015 гг. [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/materialnoe-polozhenie-rossiyan-2005-2015> (дата обращения: 10.09.2021).

Информация об авторах

Е.В. Петрова – доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН), Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=73641.

А.В. Бильтрикова – кандидат социологических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН), Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=275061.

Information about the authors

E.V. Petrova – D.Phil. in Social Sciences, Associate Professor, Leading Research Fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IMBT SB RAS), Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=73641.

A.V. Biltrikova – D.Phil. in Social Science, Research Fellow, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IMBT SB RAS), Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=275061.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.09.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.10.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 21.10.2021.